

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 394(571.54)

Б. З. Нанзатов, М. М. Содномпилова

КОНЦЕПТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ АВТОХТОННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ БУРЯТИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Объектом данного исследования являются повседневный быт и современные экономические практики в среде коренных этносов этнической Бурятии, в частности бурятского сельского населения. Под этнической Буратией подразумевается пространство, образованное территориями проживания бурятского населения, которые расположены в границах Байкальского региона.

Предметом исследования стали элементы традиционной культуры коренных этносов, в частности традиционное мировоззрение, встроенное в современные экономические практики и оказывающее определенное влияние на стратегии и формы реализации экономических практик.

Целью настоящего исследования стало выявление функциональности, духовной значимости концептов традиционного мировоззрения в жизнедеятельности современного сельского общества (главным образом бурятского) и степени трансформации традиционных духовных ценностей в условиях модернизационных процессов постсоветского периода.

Духовное наследие предыдущих поколений, характеризующееся особой помехоустойчивостью во времени и, следовательно, актуальное в жизнедеятельности современного сельского общества, представляет основу этнокультурной среды, сохранение которой в условиях современных модернизационных процессов и последствий модернизации является необходимым для сбережения самобытности этнокультурной общности.

Этнокультурная среда представляет собой результаты, средство и процесс коллективного существования людей. Это понятие объединяет не только языки общения, бытовые нормы и правила, но и хозяйственно-экономические виды деятельности со спецификой местных традиций и колорита [1, с.247]. Это означает, что вос-

производство культуры в контексте конкретной местности, в которой эта культура была создана, необходимое условие сохранения целостности этнокультурной среды. Несмотря на то что основным хранилищем культуры традиционно считается язык, по наблюдениям антропологов именно «традиция проживания на земле обеспечивает воспроизводство языка <...> Охотники и собиратели, следуя тропами своих предков, вспоминают это следование по мере их перемещения по местности» [2, с. 92–93]. При этом неважно, как изменился способ этого следования и кто именно является последователем, главное — уметь видеть оставленные предыдущими поколениями следы. В результате антрополог Т. Инголд приходит к выводу: «Сплетаемая как гобелен из жизней ее обитателей, земля является не столько сценой, на которой разыгрывается история, или поверхностью, в которую та вписывается, сколько застывшей историей» [2, с. 95].

Проявления традиционной культуры и мировоззрения наблюдаются в разных сферах современной этнокультурной среды. Наиболее актуальным на современном этапе в среде бурят, эвенков, сойотов в условиях активной ревитализации архаичных верований и представлений — шаманизма — становится феномен «вторичного» освоения территорий проживания, что проявляется в реконструкции сакрального статуса различных мест и объектов природного окружения, включенных в пространство освоения семейного, родового, племенного сообществ.

Другие проявления традиционных воззрений, обычаев менее заметны, но все же присутствуют в повседневной жизни сельского общества и определяют экономические и социальные стратегии его развития. Например, слабо развитое в хозяйствах бурят, эвенков и сойотов растениеводство и огородничество обусловлено не только отсутствием у представителей этих народов специальных знаний в этой области. Эта сфера домашнего хозяйства до сих пор является для большинства коренных этносов этнической Бурятии чуждой. В суровых климатических условиях Сибири этот вид деятельности требует приложения немалых сил и специальных знаний, особого интереса, который у основной массы сельчан отсутствует. Но в определенной степени неприятие огородничества обусловлено и религиозными воззрениями. Традиционный характер землепользования монгольских народов (кочевой и полукочевой тип хозяйства), как правило, исключал грубое механическое вмешательство или воздействие на землю (имеется в виду воздействие на почвенный или растительный покров). Согласно верованиям монгольских народов, нарушение «лика» земли могло повлечь различные несчастья — падеж скота, болезни близких и даже смерть. Подобные суеверия сохраняют свою актуальность и в наши дни. Многие старики в бурятских селах с большим предубеждением относятся к идее разбить на своем участке огород. Это отмечают исследователи, собирающие сведения этнографического характера в бурятских моноэтнических поселениях: «Кроме того, для некоторых стариков копанье земли — табу. Особенно такой запрет продолжает действовать в соседней чисто бурятской деревне Тоонта» [3, с. 27].

Наиболее распространенная культура, которую возделывают сельчане, — картофель. Некоторые сельские жители, особенно те, кто получил высшее образование, — учителя, медресисты и др., сажают морковь, свеклу, огурцы, помидоры. Лука и чеснока в избытке хватает вокруг, на лугах и в лесу, их для своих нужд заготавливают все.

Традиционные верования, приметы и запреты порой являются серьезным обоснованием для смены хозяйственной деятельности. С древних времен в среде бурят

соблюдался запрет на вырубку живых деревьев в большом количестве, поскольку интенсивная рубка леса и особенно деревьев, имеющих статус живых/вечнозеленых, считалась равносильной сокращению годов собственной жизни [4, с. 65]. В этой связи некоторые сельские предприниматели, прежде в той или иной степени занимавшиеся заготовкой древесины, отказываются от этой деятельности. Один из сельских предпринимателей, бурят, свой отказ мотивировал запретом уничтожать лес, известным ему из традиционных верований: *«Буряты боятся рубить много деревьев, боятся наткнуться на священную рощу, нам, бурятам, нельзя много леса рубить — нүгэл (грех). Все, кто из знакомых бурят лес заготавливал сейчас уже в могиле»* (фермер, бурят, 29 лет). Вместе с тем полностью отказываться от существенной прибыли, которая дает пилорама, предприниматели не намерены. Они находят неплохое решение — пилораму сдают в аренду другим людям, не обремененным грузом народных примет и запретов, например русским, китайским предпринимателям, и получают определенный процент в виде конечного продукта — пиломатериалов — либо денежных средств.

В негативном отношении к нетрадиционным для бурят, эвенков и сойотов занятиям в сфере сельского хозяйства, возможно, проявляются и иные рудименты традиционного уклада кочевой жизни — особенности организации хозяйственной деятельности, распределение обязанностей в семье и национальная специфика отношения к трудовой деятельности в целом. В наблюдениях исследователей культуры монгольских народов часто обнаруживаются замечания относительно неравноправия женщин и мужчин в сфере трудовой деятельности. Вот как характеризует положение женщин в бурятской семье К. Д. Басаева: «В хозяйстве рядовых бурят женский труд играл очень большую роль. Если мужчина резко разграничивал “мужские” и “женские” работы и не было для него большего унижения, чем выполнение последних, то женщина должна была делать все <...> Мужчина занимался в основном полеводческими работами, а в свободное от полевых работ время, особенно зимой, он был относительно менее занят» [5, с. 50, 56]. Наблюдая за таким распределением обязанностей в семье бурят (и монголов) и в целом за занятостью членов семьи в хозяйственных работах, многие исследователи приходили к выводу, что «мужчина у бурят бездеятелен», «монгол ведет праздный образ жизни».

Анализ современной трудовой деятельности большинства бурятских хозяйств показывает, что круг работ, связанный со скотоводством, являет собой минимум усилий, которые прилагают современные сельчане, чтобы обеспечить функционирование своих хозяйств (таковы рамки традиционного ведения хозяйства), минимум, который лишь удерживает хозяйство от развала. Отсутствие информационной базы, на которой могло и должно развиваться сельское хозяйство, главным образом промах самих фермеров, которые в большинстве своем не проявляют интереса к новым технологиям, новым способам ведения хозяйства, современным достижениям в различных отраслях сельского хозяйства. Предложения по усовершенствованию труда, улучшению условий содержания животных местные хозяйственники обычно встречали с недоумением: «А зачем? И так хорошо». Даже напрашивается сравнение с особенностями ведения хозяйства мифическими персонажами из бурятских мифопоэтических сюжетов: хозяйственные хлопоты главных героев ограничиваются лишь ежедневным/еженедельным ориентировочным подсчетом («на глазок») скота. Современные сельчане отказываются от трудоемких работ, в том

числе связанных с производством традиционных видов питания, предпочитая те виды деятельности, которые приносят больше доходов и не требуют приложения значительных усилий.

В отсутствие стремления к усовершенствованию своего труда у большинства сельчан, и не только бурят, но и представителей других коренных этносов Бурятии, Монголии, кроется, возможно, не лень, а отношение к жизни, присущее кочевнику: «По природе кочевник не слишком привязан к деньгам, не держит в мыслях накопительства» [6, с. 24]. В определенной степени это может быть обусловлено религиозными, этическими воззрениями, которые, в частности, обнаруживаются сегодня в мировоззрении тувинцев и в прошлом имели место в представлениях бурят и монголов.

Соседи бурятского народа — тувинцы — спокойно относятся к бедности, точнее бедность не вызывает дискомфорта в самооценке и в глазах окружающих. «Бедный человек не может быть презираем за это односельчанами. До сих пор часто приходится слышать, что боги или духи-хозяева дают людям одинаково, ровно столько, сколько необходимо для пропитания. У жителей кожууна нет стремления к накоплению средств, владению большим количеством скота. Сказывается культурный стереотип: накопил, имеешь много — значит обворовал других, и эти другие имеют полное право на отобранное у них. В последнее время такое отношение начало меняться. Так, информант-тувинец в Тере-Хольском районе сказал нам: «Тувинцы народ ленивый, работать не любят, работают только по необходимости». Русские, характеризуя тувинцев, часто отмечают их лень (с их точки зрения). Вероятно, правильнее говорить не о лени, а об отношении к жизни, смысл которой заключается в созерцании окружающего мира, а не в его переустройстве [7, с. 113].

Сходные в чем-то представления отмечены у бурят и монголов. На это указывают известные поговорки следующего содержания: «Богач до первого бурана, богатырь до первой пули», «Богатство скотовода что утренняя роса», — свидетельствующие об эфемерности такого вложения средств, как скот, и соответственно бессмысленности чрезмерного увеличения поголовья.

Кроме того, до сих пор в представлениях старшего поколения бурят сохраняется актуальность убеждение, что каждому человеку материальные блага полагаются соразмерно его способностям и возможностям. В прошлом бедняку не полагалось иметь большую юрту, покрытую белоснежной кошмой, — такую роскошь могли позволить себе только богатые люди. А бедняк, поставив такую юрту, бросил бы вызов судьбе и был бы незамедлительно наказан. Простой человек не мог построить для своей семьи огромный дом, так как его жизнь в таком доме могла сложиться несчастливо. Буряты верили, что некоторые предметы, в данном случае дом, обладают собственной духовной мощью, которая может «раздавить» недостойного этого предмета человека. Как видим, в современных экономических стратегиях сельских жителей, в их отношении к жизни все еще важно духовное наследие прошлого.

Не способствовала накопительству и специфика кочевого образа жизни. Накопительство и сегодня сложно осуществимо в условиях кочевой жизни — это может знать только кочевник, которому приходится в течение года несколько раз менять свое место жительства и перевозить с места на место свое имущество. «Кочевой образ жизни не располагает к накопительству, и даже “вещизм” нашего века оказался бессилен перед многовековыми традициями кочевников» [8, с. 219]. Вот почему в юрте нет ненужных вещей, обременяющих быт кочевника. Главное богатство кочевника

представляли стада животных. Не по богатому убранству юрты судили о состоятельности кочевника, а по количеству скота, которым он владел.

Буряты давно уже не ведут кочевую жизнь, соответственно меняются фундаментальные экономические диспозиции, потребности, предпочтения и склонности: к труду, накоплению, инвестициям. Накопление стало возможным, и теперь стадо животных не рассматривается как удачное вложение средств. Неблагоприятные экономические условия в стране формируют и особую стратегию реализации экономического интереса. Хозяйственники в разведении скота стремятся достичь того уровня, при котором реализация продукции будет рентабельной, а полученную прибыль вкладывают во что-нибудь более надежное, чем скот. Изменилось традиционное, прежде доброжелательное отношение к животным. В прошлом вся жизнь кочевника была посвящена уходу за животными, от которых зависело его жизненное благополучие. Жизнь семьи организовывалась в соответствии с потребностями животных. Большинство же современных животноводов подстраивает функционирование хозяйства под свои потребности, создание же более благоприятных условий содержания для скота не рассматривается как необходимость успешной деятельности хозяйства, отмечается грубое обращение с животными. За стадом овец или коров видится телевизор, мебель, машины, квартиры в городе, и большинство мечтает о тех временах, когда уже не нужно будет «ходить за скотом», а можно будет наслаждаться теплом и уютом городских квартир.

Возможно, что подобные трансформации следовало бы рассматривать как частную проблему самих этнокультурных общностей, однако существует «больной» вопрос, в котором игнорирование изменений традиционного сознания и мышления может иметь негативные последствия глобального масштаба. Существует убеждение, что традиционное мировоззрение представляется неотъемлемой частью традиционной культуры и быта и, следовательно, идеологической основой любой традиционной хозяйственной деятельности. В частности, предполагается, что именно на традиционном мировоззрении основывается традиционное природопользование, понятие, которое приводится как важный аргумент в пользу создания и выделения для осуществления различной хозяйственной деятельности коренным этническим общностям так называемых ТТП (территорий традиционного природопользования). В последнее время понятие «традиционное природопользование», непосредственно связанное с правом на пользование землей — область сосредоточения публичных, корпоративных и частных интересов, активно муссируется в средствах массовой информации, обсуждается политиками, учеными, лидерами этнических сообществ. С реконструкцией «традиционного природопользования» чиновники, ученые связывают решение множества проблем и главная среди них — возможность сохранения экологического баланса в регионе, этнической культуры населения Байкальского региона.

Однако надеяться на полное решение экологических проблем за счет введения практик традиционного освоения этнических территорий коренных этносов без координации природоохранных мер со стороны государства было бы ошибочным. Сохраняющееся в настоящее время признание за традиционным хозяйством аборигенов исключительной экологической сбалансированности не соответствует действительности. Коренное население, перед которым стоит проблема экономического выживания, давно уже не применяет неистощительные, ресурсосберегающие технологии природопользования. На это указывает ряд примеров, в частности организа-

ция охоты, современные методы и орудия промысла, неограниченные сроки охоты, наносящие тяжелый урон кедрачам и ягодникам способы сбора ягод и орехов (коло-тушки для сбора орехов, металлические скребки для сбора ягод) и других дикоросов. Как свидетельствуют результаты современных полевых исследований, традиционные представления и верования слабо срабатывают в качестве морального барьера в осуществлении интенсивной эксплуатации, добычи природных ресурсов, обнаруживают склонность к адаптации к существующей реальности и оправдывают потребительское отношение к природным ресурсам.

Литература

1. Степанов В. В. Этнологическая экспертиза // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М., 2002. С. 241–261.
2. Инголд Т. Родословная, поколение, субстанция, память, земля // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 92–95.
3. Куклина В. «Черноруд — жители у Байкала» // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты. Иркутск, 2002. С. 26–31.
4. Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Новосибирск, 1992. 172 с.
5. Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. Вторая половина XIX — начало XX века. Новосибирск, 1980. 222 с.
6. Шинкарев Л. Монголы: традиции, реальность, надежды. М., 1981. 254 с.
7. Торгоев А. И. Этносоциальные процессы в Южной и Юго-восточной Туве (по материалам экспедиций 2003–2004 гг.) // Сибирь на рубеже тысячелетий. Традиционная культура в контексте современных экономических, социальных, этнических процессов / отв. ред. Л. Р. Павлинская, Е. Г. Федорова. СПб., 2005. С. 109–128.
8. Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии. Культура, традиции, символика. М., 2002. 110 с.

Статья поступила в редакцию 31 мая 2011 г.